

В тот послеобеденный час при моем чтении случилось незначительное событие, которое возбудило во мне какие-то предчувствия, напомнив об увядшей сирени, о четырех женщинах, убитых возле дома в день нашего приезда. Итак, я читала дяде и несколько раз услышала, как скрипит пол; я не суеверная и не придавала этому шуму никакого значения, но когда я услышала, что он повторяется неоднократно, вспомнила, что кто-то говорил, что это плохой признак и *значит, что хозяев выжидают*. Я сделала вид, что не слышу, и продолжала чтение, повысив голос, но шум опять повторился. «*Слышишь ли, Паша, как пол трещит?*» — сказал он мне. «*Слышу, дядинька*». Я тотчас подыскала (ради собственного удовлетворения и чтобы успокоить его) объяснение этому шуму. Я ему сказала, что шум происходил, вероятно, оттого, что бюсты Императора и Императрицы, которые до этого были поставлены в двух углах комнаты, были переставлены к канапэ и что пол, не имея больше веса в этом месте, естественно, трещал. Не знаю, был ли этот довод хорош, но мне он показался достаточным, чтобы отогнать любую другую мысль из моей головы и особенно из головы моего дяди, из-за опасения, как бы он не придал этому пустяку какого-нибудь значения. «*Нет, мой друг,* — ответил он мне. — *Это трещит не по углам, а подле самых мраморных столиков, и мы сегодня перед обедом слушали все это с Дарьей Алексеевной, она и причину тому искала*», — и не добавил, нашла ли ее.

И наступил тот ужасный день, за которым последовала эта страшная ночь, которая навсегда разлучила нас с моим добрым дядей. Однако начало его было полно счастья и радости для нас. Дядя, поднявшись рано, принял свое рвотное, которое, произведя наилучший возможный эффект, освободило его от избытка пищи и от этой тяжести и явной слабости, на которые он жаловался накануне. У него не было ни малейших спазм, так что, придя к завтраку, он сказал нам с сияющим видом: «*Ну, слава Богу, мне после рвотного стало гораздо лучше*». Обрадованная этим известием, я поспешила сообщить об этом своим сестрам, зная, что накануне они беспокоились о состоянии здоровья моего дядиньки. Это письмо должно было уйти на другой день, и это завтра должно было принести такие жестокие изменения в нашу Званку, недавно счастливую. Я его переписываю, это письмо, потому что оно говорит о дяде; оно может потеряться, а все, что касается его, все становится теперь драгоценным.

Званка. Суббота, 8 июля 1816.

Полагая, друзья мои, что вы должны быть беспокойны насчет здоровья дявеньки, спешу вас уведомить, что ему теперь лучше, сегодня принял он рвотное, которое сделало ему большую пользу и уменьшило боль в груди.